

Е.П. Тавокин

РОССИЙСКИЙ КОРРУПЦИОНЕР В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

РОССИЙСКИЙ КОРРУПЦИОНЕР В
СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

RUSSIAN CORRUPTIONIST: SOCIOLOGICAL
DIMENSION

ТАВОКИН Евгений Петрович — доктор социологических наук, профессор РАНХиГС, tavokin@mail.ru

TAVOKIN Evgenii Petrovich – Doctor of Social Science, Professor, Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration. E-mail: tavokin@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается ситуация с коррупцией в современной России. Для ее изучения в течение мая-июля 2013 г. был проведен опрос 169 государственных служащих, которым отводилась роль внутренних экспертов для оценки коррупции внутри системы государственной службы. Основной вывод исследования состоял в том, что главный фактор развития коррупции — морально-этическое разложение современного российского общества.

В ходе анализа данных был сформирован обобщенный портрет российского коррупционера, определены его основные характеристики. Для этого из общей группы экспертов на основе соответствующих мотивов поступления на госслужбу была выделена группа потенциальных коррупционеров, проведен анализ различий в оценках разных групп экспертов степени распространения коррупции, ее типичных форм, факторов, порождающих коррупцию в органах государственной власти, действенности антикоррупционных мер.

По мнению автора, социальный портрет коррупционера можно описать следующим образом. В общей массе госслужащих он составляет абсолютное меньшинство — менее 25%. Это преимущественно мужчина наиболее продуктивной возрастной группы (30–49 лет), чаще всего юрист с не очень большим стажем работы (3–5 лет) в органах власти. Он ориентирован на воспроизводство модели достижения жизненного успеха, понимаемого как потребительство, путем обогащения любой ценой, приемля цинизм, лицемерие. Наибольшее беспокойство у коррупционера вызывает перспектива слома сложившейся системы

Abstract. The article describes the current situation concerning the corruption in modern Russia. To investigate the subject, a sociological survey involving 169 state officials was conducted in May and July 2013. The officials played a role of internal experts assessing the level of corruption. The major conclusion is that the main factor that promotes corruption is the moral decay of contemporary Russian society.

Based on the data analysis, a general portrait of Russian corruptionist with its basic characteristics was determined. To achieve this, a group of potential corruptionists was singled out from the general group of experts according to motives to enter civil service. The author conducted analysis of differences in the evaluations of the spread of corruption in different expert groups as well as its typical forms, factors that cause corruption in public bodies, the effectiveness of anti-corruption measures.

According to the author, the social portrait of corruptionist is as follows: he/she represents less than 25% (absolute minority) in the total mass of civil servants; mainly male belonging to the most productive age group (30-49), predominantly lawyer with a short-term work experience (3-5 years) in the state bodies. He/she is really focused on the reproduction of the model of «life success», regarded as consumerism, pursuing gain at any cost, cynicism, and hypocrisy.

The greatest concern of corruptionist comes from the possible break-up of the existing system of the “negative” personnel selection where only useless unsuitable persons are appointed top officials.

Forming negative attitudes toward corrupt practices and revival of traditional values on a national scale would be possible solutions to

отрицательного кадрового отбора. В качестве стратегического направления преодоления коррупции предлагается формирование в обществе негативного отношения к коррупционному поведению, восстановление в общенациональном масштабе шкалы традиционных нравственных ценностей.

overcome corruption.

Ключевые слова: коррупция, государственные служащие, органы власти, антикоррупционные меры.

Keywords: corruption, civil servants, authorities, anti-corruption measures.

Проблематика тотальной коррупции в современной России постоянно находится в фокусе общественного внимания, ежегодные опросы общественного мнения Левада-центр, проведенные с 2001 по 2012 г., показали: количество респондентов, считающих, что воровства и коррупции в стране за 10–12 лет стало больше, увеличилось приблизительно в 5 раз (с 11 до 50 %).

Интенсификация коррупционных процессов в стране сопровождается столь же интенсивной борьбой с этим явлением: издаются жесткие законы, направленные на противодействие коррупции, формируются новые чиновничьи структуры. Так, в конце 2013 г. вдобавок к уже существующему Совету при Президенте РФ по противодействию коррупции создано Управление по вопросам противодействия коррупции администрации Президента РФ. Среди основных задач новой структуры значатся участие в обеспечении реализации президентом его полномочий по проведению государственной политики в области противодействия коррупции, контроль исполнения законодательных актов по вопросам противодействия коррупции, подготовка предложений президенту в этой области и т.п.

Однако опрос, проведенный Левада-центром в июле 2013 г., показал, что 41% респондентов считают, что вертикаль власти не столько противодействует, сколько способствует коррупции; 39% признают, что эта вертикаль держится на круговой поруке чиновников, ее коррумпированности [1]. По сути, происходит откровенная имитация борьбы. Только четверть всех осужденных в стране коррупционеров получают реальные сроки лишения свободы, причем тех, кто давал взятки, к уголовной ответственности привлекаются в 2 раза чаще, чем те, кто эти взятки получал. А новые изменения в УК, заменяющие реальные сроки лишения свободы штрафами, можно квалифицировать скорее как поощрение коррупции. По данным Генпрокуратуры, только за 9 месяцев 2013 г. к дисциплинарной и административной ответственности в России привлечены почти 60 тыс. чиновников, осуждены всего 3,6 тыс. При этом размер ущерба, причиненного государству в результате коррупционных схем, по сравнению с 2012 годом, вырос в 7 с лишним раз. Однако из 21 млрд ущерба по уголовным делам о коррупции удалось вернуть в казну меньше десятой части — 2 млрд рублей¹. Институт конфискации имущества практически не применяется, а штрафы в большинстве случаев не взимаются. Инициативы властей, направленные в том числе и на борьбу с коррупцией, приводят к прямо противоположному результату. Так, внедряя вопреки широчайшим протестным акциям общественности ЕГЭ, чиновники от Минобрнауки уверяли, что с его помощью удастся оздоровить обстановку в сфере образования, снизить коррупцию.

¹ <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc>.

Однако эксперты Интернет-библиотеки Public.Ru проанализировали местные СМИ и установили, что «школьная» коррупция после введения ЕГЭ выросла в 20–25 раз².

Анализируя феномен коррупции, можно заметить, что, несмотря на множество коррупционных схем, от незатейливо примитивных до самых изощренных, они практически всегда содержат, по крайней мере, одно общее звено — чиновника, наделенного определенным уровнем исполнительной власти. При этом неважно, государственный это чиновник или муниципальный, главное чтобы он обладал властью. Беря взятку, чиновник, по сути, конвертирует свои властные полномочия в деньги. Происходит монетизация властных отношений.

Продолжив этот тренд и доведя его до логического предела, можно прийти к мысли, что коррупцию удастся искоренить, если перевести все взаимодействия юридических и физических лиц с государственными структурами на уровень услуг по твердым государственным расценкам. Формально коррупция будет ликвидирована. Но в этом случае возникает другая фундаментальная проблема: власть, включенная в систему эквивалентного денежного обмена, перестает быть властью и превращается в контору по оказанию услуг. В условиях рынка это неизбежно чревато появлением конкурентов, которым потребитель этих услуг может по каким-либо причинам отдать предпочтение. Таким образом, коррупция как латентная монетизация власти — прямой путь к развалу государственности.

Пытаясь понять причины противоречия между нарастающим объемом правовых, организационных, административных и других мер, направленных на борьбу с коррупцией в органах российской власти, с одной стороны, и ростом объемов финансовых средств, вовлекаемых в сферу коррупции, совершенствованием ее форм и технологий, с другой, группа ученых из РАНХиГС в течение мая-июля 2013 г. провела социологическое исследование [2]. Основным вывод состоял в том, что главный фактор возникновения, распространения и развития коррупции — морально-этическое разложение современного российского общества. Главная опасность этого фактора в том, что он разлагает общество в целом и каждую отдельную личность изнутри, в то время как антикоррупционные усилия в своем большинстве ориентированы на воздействие извне. Речь, таким образом, должна идти не об устранении неких «белых пятен» или «родовых травм», а о радикальном переустройстве российской жизни.

В рамках указанного исследования был проведен опрос государственных служащих. Им отводилась роль внутренних экспертов для оценки коррупции изнутри. Общий объем экспертной группы — 169 человек. Половозрастные и профессиональные характеристики экспертов в целом соответствовали параметрам генеральной совокупности.

Для выявления коррупционеров в общей массе госслужащих воспользуемся распределением мотивов, которыми они руководствовались, поступая на государственную службу (см. табл. 1).

Как видно, подавляющее большинство чиновников в госслужбе привлекают в первую очередь ценности личного благополучия (социальные гарантии, стабильность, престиж, карьера и т.п.). Прямой склонности к коррупции в этих ценностях не просматривается. Отчетливая ориентация на коррупцию проявляется у подавляющего меньшинства — у тех, кого манят жажда власти (12%) и дополнительные возможности обогащения (11%). Это приблизительно пятая часть опрошенных. Косвенно эту склонность можно обнаружить и у тех, кто указал в качестве мотива «приобретение нужных связей» (34%).

² <http://library.fa.ru/resource.asp?id=484>.

Таблица 1 Распределение мотивов поступления на государственную службу

Мотивы	Количество	
	абс.	%
Социальные гарантии	96	57
Стабильность	77	46
Приобретение нужных связей	57	34
Престиж	52	31
Карьерный рост	50	30
Заработная плата	42	25
Интересная работа	29	17
Желание помогать людям	23	14
Жажда власти	21	12
Дополнительные возможности обогащения	18	11
Всего	169	100

Каков же обобщенный портрет потенциального коррупционера (ПК)? В отличие от остальной части госслужащих, среди ПК преобладают мужчины (68% против 40%) с более высокой численностью в возрастных группах 30–39 лет (39% против 34%) и 40–49 лет (27% против 20%). Среди них также несколько выше доля лиц с юридическим образованием (41% против 36%) и со стажем работы 3–5 лет (31% против 27%). В должностном разрезе коррупционные ориентации в заметно большей степени проявляются среди помощников (21% против 15%) и руководителей (16% против 10%).

ПК радикально отличаются от остальных госслужащих в своем видении происходящих процессов. Убедиться в этом можно, в частности, анализируя распределения оценок степени распространения коррупции среди госслужащих (табл. 2).

Таблица 2 Оценки степени распространения коррупции среди госслужащих с разными мотивами поступления на госслужбу, %

Мотивы	Насколько коррупция распространена среди госслужащих?				
	Распространена среди большинства	Распространена среди половины	Распространена среди меньшинства	Редкое явление	Затруднились ответить
Возможности обогащения	72	22	6	0	0
Жажда власти	48	33	5	5	10
Нужные связи и знакомства	26	32	26	0	16
Зарплата	21	24	36	5	14
Престиж	17	23	25	8	27
Карьерный рост	12	26	48	4	10
Социальные гарантии	12	22	40	7	20
Стабильность	10	21	39	12	18
Интересная работа	10	21	38	14	17
Помогать людям	0	13	30	22	35
Все опрошенные	18	23	34	8	18

Как видно, существенно превышающие средние по массиву оценки дали именно те, кто больше всего ориентирован на коррупцию (3 верхние строки). Отчетливо просматривается

также тенденция: чем меньше в мотивах поступления на госслужбу коррупционная ориентация, тем ниже значения оценок степени ее распространения, доходящая до 0% среди тех, кто настроен на помощь людям.

Весьма схожие отличия наблюдаются и при оценке госслужащими наиболее типичных форм коррупции (табл. 3).

Таблица 3 Оценки типичности форм коррупции среди госслужащих с разными мотивами поступления на госслужбу, %

Мотивы	Какая из форм коррупции наиболее типична?					
	использование служебного положения для собственности бизнеса	неправомерные предпочтения предпринимателям	использование служебного положения для решения кадровых вопросов в собственных интересах	подарки в связи со служебными обязанностями	использование служебной информации	Другое
Возможности обогащения	78	50	44	39	39	6
Жажда власти	71	52	43	62	29	0
Нужные связи и знакомства	68	39	50	54	32	4
Интересная работа	67	33	52	41	11	7
Стабильность	58	38	42	47	13	1
Социальные гарантии	56	40	45	43	16	4
Помогать людям	52	29	14	57	29	5
Зарплата	50	38	48	41	24	2
Карьерный рост	50	40	58	48	18	6
Престиж	49	39	43	51	28	4
Весь массив	57	37	45	46	21	4

Наиболее эффективная в силу своей прямой направленности на результат форма коррупции - использование служебного положения в интересах собственного бизнеса - получила наивысшие значения «типичности», существенно превосходящие среднюю по массиву оценку, именно у ПК (верхние 3 строчки). Примерно с таким же превышением от среднего значения оценивается этой же категорией респондентов несколько менее эффективная по своим возможностям форма — оказание каких-либо неправомерных предпочтений предпринимателям. Примечательны отличия в оценках представителями ПК такой формы коррупции, как получение подарков в связи с выполнением своих служебных обязанностей - если для жаждущих власти и стремящихся к установлению нужных связей и знакомств она занимает второе место, то для тех, кто рассматривает госслужбу как возможность обогащения, эта же форма располагается на четвертом.

Важная установка, существенно выделяющая ПК из остального состава госслужащих, — гораздо больший уровень их уверенности в том, что в коррупционном процессе обе стороны заранее знают, что взятка общепринята (59 против 41%).

Большой интерес для понимания позиции ПК по отношению к коррупционной деятельности представляют также их оценки степени влияния различных факторов, порождающих коррупцию в органах государственной власти (табл. 4).

Таблица 4 Факторы, порождающие коррупцию в органах государственной власти, степень влияния которых различными группами экспертов была оценена как сильная, %

Факторы, порождающие коррупцию в органах государственной власти	Сильная степень влияния	
	весь массив	ПК
Низкий уровень нравственности в обществе	55	59
Тесная связь власти и бизнеса	54	60
Отсутствие действенного механизма контроля коррупции	51	52
Отсутствие ответственности чиновников за принятие решений	45	56
Неэффективность мер противодействия коррупции	44	60
Отсутствие зависимости служебного роста от добросовестной работы	43	55
Плохие примеры, подаваемые высшими руководителями	43	49
Отсутствие реальных механизмов защиты граждан от коррупционного воздействия	41	44
Низкая зарплата чиновников	38	27
Неисполнение антикоррупционных законов	37	41
Слабые гарантии достаточного обеспечения чиновника в случае его ухода со службы	37	39
Наличие в законах и правовых актах, предпосылок коррупционных действий	36	32
Исторические традиции мздоимства, воровства	30	31
Нечеткая регламентация работы чиновников	20	27

Первое, что сразу обращает на себя внимание, – ПК заметно выше оценивают степень влияния практически всех факторов, порождающих коррупцию (исключение составляют лишь низкая зарплата и изъяны в законах). Это вполне согласуется с общей высокой оценкой уровня и масштабов коррупции, характерной для этой категории госслужащих (табл. 2). Не менее показателен и тот факт, что в отличие от основной массы госслужащих у рассматриваемой категории несколько иначе выглядит рейтинг названных факторов. Первые два места с практически одинаковыми значениями занимают тесная связь власти и бизнеса и неэффективность мер противодействия коррупции. И лишь на третьем месте (хотя и с более высоким значением) располагается низкий уровень нравственности в обществе, который стоит у остальных на первом.

Из этого можно сделать вывод, что ПК склонны оправдывать свои преступные установки и реальные действия внешними непреодолимыми (для них) обстоятельствами, которые, по их мнению, способствуют развитию коррупционных процессов, стимулируют их, вовлекают в них чиновников помимо их воли. Для понимания (но не оправдания) этой позиции есть определенные основания. Действительно, криминал настолько глубоко проник в государственные структуры, что коррупция стала основным механизмом их функционирования. При этом меры противодействия коррупции практически не работают. Да и моральное разложение общества достигло такого уровня, при котором любой результативный коррупционер автоматически попадает в разряд эффективных менеджеров и пополняет ряды российской «элиты». Представляется, однако, что подобные аргументы - не более чем уловка, попытка спрятать свои противозаконные действия за внешние «объективные обстоятельства». Ведь эти обстоятельства вовсе не причины, а следствия

тотальной (экономической, нравственной, культурной и т. д.) деградации созданного с их активной помощью «правового общества равных возможностей для очень узкого круга лиц», торопящихся переправить награбленное в зарубежные страны в качестве личных богатств. По итогам 2013 г., отток капиталов из России ускорился (с 54,6 до 62,7 млрд долл.), при этом динамика отклонений от прошлогоднего уровня ухудшалась от квартала к кварталу³.

По всей видимости, для «потенциальных коррупционеров» характерен повышенный уровень тревожности по отношению к *существующим* антикоррупционным мерам, - этим можно объяснить тот факт, что большинство их оценок действенности таких мер оказались существенно выше средних по массиву (табл. 5).

Таблица 5 Оценки действенности применяемых антикоррупционных мер всеми респондентами и представителями группы «ПК» («потенциальные коррупционеры»), %

Какие антикоррупционные меры на ГС наиболее действенны?	Весь массив	ПК
Отбор на государственную службу честных, добросовестных специалистов	46	55
Мониторинг исполнения должностных обязанностей чиновников, чья деятельность связана с коррупционным риском	35	31
«Горячая линия» или «телефон доверия» по противодействию коррупции	33	47
Применение мер ответственности за несоблюдение запретов, ограничений, требований к служебному поведению, вплоть до увольнения с госслужбы	33	36
Внедрение в практику механизма ротации государственных служащих	29	31
Ужесточение контроля доходов и расходов чиновников и членов их семей	25	27
Совершенствование работы подразделений по профилактике коррупции	22	30
Более эффективное использование электронных технологий	12	18
Декларация государственными служащими конфликта интересов	8	14
Другое	3	1

Наибольшее беспокойство коррупционеры испытывают от практической реализации идеи отбора на государственную службу честных, добросовестных специалистов (55% против 46%), а также от «горячей линии» или «телефона доверия» по противодействию коррупции (47% против 33%). Это легко понять: честный чиновник, не берущий взятку, не участвующий в разворовывании страны, самим фактом своего наличия создает серьезные препятствия для коррупционеров. Единственная мера, которая их тревожит меньше, чем остальных госслужащих, — это мониторинг исполнения должностных обязанностей чиновников, чья деятельность связана с коррупционным риском (31% против 35%). Объяснить такое относительное спокойствие можно только тем, что эта мера в значительной части находится (как правило) под их контролем, а также тем, что ее антикоррупционные возможности невелики.

Большое значение для воссоздания полного портрета потенциальных и реальных коррупционеров имеют их оценки эффективности *возможных* мер по борьбе с коррупцией (табл. 6).

Таблица 6 Оценка степени эффективности возможных мер по борьбе с коррупцией всеми респондентами и представителями группы «ПК» («потенциальные коррупционеры»), %

³ http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/lsswww.exe/Stg/d03/18vvp31.htm.

Какие меры по борьбе с коррупцией были бы наиболее эффективны?	Весь массив	ПК
Радикальное ужесточение уголовной ответственности за коррупцию	55	70
Формирование в обществе негативного отношения к коррупционному поведению	54	58
Повышение зарплаты и социальных гарантий госслужащих	53	47
Повышение прозрачности деятельности государственных органов	47	59
Совершенствование деятельности правоохранительных и контролирующих органов по противодействию коррупции	47	46
Формирование механизмов противодействия легализации преступных доходов	46	46
Тщательная антикоррупционная экспертиза законов	45	50
Существенное ужесточение требования к кадрам госслужбы	38	50
Устранение необоснованных запретов в области экономической деятельности	37	46
Повышение роли общественного контроля деятельности государственных органов	36	49
Усиление ограничений и запретов для государственных служащих	25	38

Легко заметить, что общий уровень значений оценок степени эффективности возможных мер по борьбе с коррупцией представителями группы «потенциальные коррупционеры» очень высок. Наиболее эффективным они считают радикальное ужесточение уголовной ответственности за коррупцию (70%), что может свидетельствовать одновременно о высоком уровне их тревожности по этому поводу. Также для них повышена актуальность вопроса о повышении прозрачности деятельности государственных органов (59%) и формировании в обществе негативного отношения к коррупционному поведению (58%). Чаще остальных госслужащих они реагируют на вероятность существенного ужесточения требований к кадрам госслужбы (50% против 38%) и усиления антикоррупционной экспертизы законов (50% против 45%). Примерно так же высоко оценивают они антикоррупционные возможности таких мер как повышение роли общественного контроля деятельности государственных органов и устранение необоснованных запретов в области экономической деятельности, которые могут существенно ограничить ареал коррупционной деятельности. Вместе с тем «потенциальные коррупционеры» несколько скептически по сравнению с остальными госслужащими оценивают эффективность такой меры как повышение зарплаты и социальных гарантий (47% против 53%). Очевидно, что повышение зарплаты, льготы и гарантии не могут сравниться с теми финансовыми и материальными ресурсами, которые коррупционеры извлекают, конвертируя свои властные возможности.

Оценка значимости проблем общества в целом ПК довольно специфична (табл. 7).

С одной стороны, ПК заметно выше, чем остальные госслужащие, оценивают негативные последствия кризиса морали и нравственности (50% против 47%), масштабов коррупции органов власти (46% против 39%), развала системы образования (38% против 24%). С другой стороны, их гораздо меньше волнуют рост цен и тарифов ЖКХ (31% против 41%), бедность и низкая зарплата (34% против 38%), наркомания и алкоголизм (24% против 28%), преступность и бандитизм (9% против 17%).

Таблица 7 Оценки значимости проблем общества всеми респондентами и представителями группы «ПК» («потенциальные коррупционеры»), %

Какие из проблем нашего общества вас беспокоят больше всего?	Весь массив	ПК
Кризис морали, нравственности	47	50
Рост цен и тарифов ЖКХ	41	31
Коррупция органов власти	39	46
Бедность, низкая зарплата	38	34
Наркомания, алкоголизм	28	24
Реформа образования	24	38
Преступность, бандитизм	17	9
Безработица	15	12
Социальная сфера (пенсии, социальная защита)	15	15
Состояние окружающей среды	10	11
Реформа здравоохранения	8	8
Реформа судебной системы	8	7
Затрудняюсь ответить	1	1

Итак, вырисовывается портрет госслужащего - «потенциального коррупционера». Каков же он? Это преимущественно мужчина наиболее продуктивной возрастной группы (30–49 лет), чаще всего юрист с не очень большим стажем работы (3–5 лет) в органах власти. Он вполне искренне ориентирован на воспроизводство модели жизненного успеха, ориентированной на обогащение любой ценой. При этом он прекрасно понимает преступность деятельности, основанной на коррупции. Характер восприятия представителями группы «потенциальные коррупционеры» антикоррупционных мер можно интерпретировать как свидетельство тревожности группы в связи с угрозой возможностям вести «красивую жизнь», разменивая властные полномочия занимаемой должности на вполне осязаемые и уже личные денежные знаки. Наибольшее беспокойство ПК вызывает перспектива слома сложившейся системы «отрицательного» кадрового отбора и прихода на государственную службу честных, добросовестных специалистов, т.е. перспектива радикального изменения среды, вписаться в которую коррупционеру будет весьма проблематично.

Однако, как представляется, указанные фобии не имеют пока под собой сколько-нибудь серьезных оснований. Ведь честные и добросовестные специалисты могут появиться только в обществе, основанном на социальной справедливости, высокой культуре и морали, с ответственными верхами и народом, ориентированным на созидательный труд в интересах всего населения, а не клана «эффективных» гоп-менеджеров и давно обанкротившихся «либеральных экономистов». Нынешняя Россия даже отдаленно не напоминает это общество.

Поэтому неудивительно, что в числе первоочередных мер, направленных на борьбу с коррупцией, опрошенные госслужащие называют формирование в обществе негативного отношения к коррупционному поведению, восстановление в общенациональном масштабе во многом уже разрушенной шкалы нравственных ценностей. Только так может сформироваться качественный человеческий материал, с помощью которого можно искоренить коррупцию.

Литература

- 1 Коррупция: где она живет и процветает // ВЦИОМ : [веб-сайт]. 2012. 29 ноября. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113417>.
- 2 Тавокин Е.П., Широкова О.В., Шишова Ж.А. Предпринимательство и коррупция: особенности российской практики // Образование и общество. 2013. № 6 (83).